

УДК [821.161+821.521]-3.Грин+Акутагава

Мусий Валентина

доктор филологических наук, профессор
кафедра мировой литературы
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, Украина, 65058
urd7@ Rambler.ru

**ПАРОДОКСАЛЬНОСТЬ СИТУАЦИИ ИНИЦИАЦИИ
В «УЧЕНИКЕ ЧАРОДЕЯ» А.С. ГРИНА И «ЧУДЕСАХ МАГИИ»
АКУТАГАВЫ РЮНОСКЭ**

В статье предпринят компаративный анализ произведений двух писателей-модернистов начала XX века. В основе сопоставления – ситуация инициации, перехода героя в новое, более совершенное качество. Однако финал оказывается неожиданным – инициация не происходит, герои оказываются не способными к переменам из-за того, что не могут освободиться от собственной меркантильности. Оба переживают крах. Это помогает понять особенности концепции человека каждого из авторов.

Ключевые слова: сюжет, мотив, парадокс, концепция человека, архетип, интрига, инициация, А. Грин, Р. Акутагава

Цель предлагаемой статьи – определить особенности концепции человека двух писателей-модернистов, принадлежавших разным национальным литературам, но одной и той же историко-культурной эпохе. То, что обозначил ученый из Польши Е. Литвинов относительно А. Грина, вполне применимо и к характеристике прозы японского писателя Акутагавы: «Модернистская литературная родословная Грина в первую очередь обусловлена вневременной проблематикой, а также ее особым и своеобразным морально-этическим аспектом» [13, 170]. Правда, об Акутагаве, как правило, пишут как о писателе, в творчестве которого проявились черты натурализма, модернизма и реализма [8, 112], а творчество Александра Грина чаще всего относят к неоромантизму. И не только потому, что в его произведениях мы обнаруживаем ряд тех особенностей, которые характерны для этого литературного направления («... динамический сюжет, экзотика, фантастика и ирреальность, нередко эсхатологические настроения, психологизм, интерес к природе, поэтика контрастов и гротескность» [12, 34]), но, в первую очередь, в связи с особенностями его концепции человека. Выделив в неоромантизме два направления, гуманитарное и онтологическое, Д.К. Царик следующим образом характеризует понимание человека, присущее гуманитарным неоромантикам, к которым, по его мнению, относился и А. Грин: «На переднем плане у них стоит проблема возрождения, лучше сказать, эмансипации подлинно человеческих морально-этических на-

чал, в которых они видят предпосылку обновления общества» [11, 15]. Такой же точки зрения относительно гриновской концепции человека придерживается и И.К. Дунаевская, которая пишет: «Гриновское познание ведет к активному творческому преобразению самой духовной природы его героя. Поэтому Грин не ограничивается изображением переворота в сознании. Новое духовное сознание он утверждает образом преобразенного сердца» [3, 36]. Однако заметим, подобное преобразование может и не состояться. И причина – в сути нравственной природы его героя. Как раз таким, оказавшимся не готовым к преобразению, является герой избранного нами для анализа «Ученика чародея». В этом ему близок персонаж, от лица которого ведется повествование, в «Тайнах магии» Р. Акутагавы.

Попытки соотнесения произведений Акутагавы Рюноскэ и русских художников слова начала XIX [5] и XX века [8] уже предпринимались в украинском литературоведении, однако к рассказам, избранным нами в качестве объекта исследования, ученые не обращались. Основанием для выводов о выраженной в рассказах концепции человека будет для нас изучение особенностей развития в них их сюжета. Оба рассказа относятся к числу произведений с «противоречивым» (В.Е. Хализев) типом событийного развития. Однако преобразования центральной ситуации в них не происходит, они заканчиваются тем же, чем и начинаются. «Был дождливый осенний вечер, – сообщает герой «Чудес магии», вспоминая, как оказался в доме индийца Матирамы Мисры, как и о чем расспрашивал его [1, 320]. «И тотчас же, неизвестно отчего, дождь за окном так уныло зашумел...», – так начинается один из заключающих рассказ абзацев. Герой сообщает, что он «вдруг опомнился» и обнаружил, что «и пепел не упал с сигары», зажатой у него между пальцами, с начала его беседы с Мисрыкуном. «Мне казалось, – признается он, – что прошел целый месяц, а на самом деле я видел сон, и сон этот длился всего две-три минуты» [1, 327]. Хронологическая протяженность действия в «Ученике чародея» А.С. Грина гораздо дольше – несколько месяцев. Однако и этот рассказ имеет кольцевое строение. Он начинается признанием героя: «Я украл окорок ветчины...». За это его должны были повесить. «Отправиться на Монфокон с кляпом во рту, чувствовать там горячей шеей холодные ногти палача и растворить дух в вое осеннего ветра, – заявляет герой, – показалось мне слишком сентиментальным» [2, 387]. Поэтому он бежал. Заканчивается же рассказ тем, что он находится в той самой тюрьме, откуда однажды «изловчился скрыться, разогнув поленом решетку» [2, 399], и где он ожидает казни теперь уже не только за воровство, но и за убийство. И последние его слова – «А, Монфокон, – я вижу тебя! Вот твоя виселица, вот петля. Здравствуй и прощай, темный палач!» – замыкают круг событий в его жизни [2, 400]. Подобное кольцевое построение изученных нами произведений неожиданно, поскольку и в одном и в другом центральным событием оказывается открывшаяся перед героями возможность подняться на новую ступень своего развития, стать иными (нравственно чище – для ге-

роя «Ученика чародея» и обрести новые, магические способности – для героя Акутагавы). Архетипической для обоих рассказов является ситуация инициации, предполагающая преобразование героя, переживание им перехода в новый статус. Вслед за А. ванн Геннепом и В. Тэрнером В.И. Тюпа обозначает эту архаичную циклическую модель как лиминальную и считает ее одной из наиболее продуктивных для художественной литературы нарративной интригой. В качестве основных исследователь выделяет четыре звена событийной цепи развития этой интриги. Проследим их проявление в произведениях Грина и Акутагавы. Первой, как отмечает В.И. Тюпа, является фаза обособления [10, 70]. Рассказ Акутагавы начинается с того, что герой отправляется в «унылое предместье Омори» и, таким образом, оказывается вне привычного для него пространства. Герой «Ученика чародея» А. Грина после долгих скитаний в провинции уже мог возвращаться в Париж, где о его воровстве и побеге из тюрьмы, скорее всего, уже не помнили, однако ему все время что-то мешало: то «завязывался роман с коровницей», то его «пригревали» на кухне монастыря. Наконец с ним случается происшествие, которое определяет дальнейшую судьбу. Он заблудился в «недоброй памяти Арденнском лесу». В течение трех суток он бродил по лесу, не находя пути к чьему-либо жилью. Лес традиционно считается «иным» миром, в мифе и сказке – пространством смерти. Именно в него отправляли посвящаемых во время ритуала инициации после отделения их от одноплеменников.

Вторая фаза – момент искушения – как, пишет В.И. Тюпа, «в смысле соблазна, так и в смысле приобретения героем жизненного опыта, повышающего уровень его жизненной искушенности» [10, 71]. Герой «Чудес магии» в доме горячего поборника независимости Индии Матирамы Мисры (Мисры-куна), прибывшего в Японию из Калькутты и изучившего тайны магии под руководством знаменитого брахмана Хассан-хана, становится свидетелем его чудесного искусства. Во время сеанса магии хозяин сообщает своему гостю, что может обучить и его, но при одном условии: если тот будет свободен от алчности.

То, что происходит с Франсуа Долговязым в «Ученике чародея», имеет не менее необыкновенный, даже чудесный характер. В «неприветливом месте» в лесу он обнаруживает «загадочное» жилье, черную бревенчатую лачугу, видит в ней дряхлого старика, который именует себя волшебником д'Обремоном, убежденным в том, что Франсуа привели в его жилище заклинания. Оказывается, что с помощью магического круга и неких формул волшебник обратился к демону Азарету – покровителю стариков – с тем, чтобы тот послал ему помощника, «здорового молодца» [2, 390]. Убежденный в том, что «магия творит чудеса», он верит, что, хотя душа молодого человека, явившегося в его дом, «еще темна и дремотна, как жизнь в яйце змеи», у того есть возможность преобразиться. Наивный старик рассчитывает взрастить из своего помощника мудрого чародея. И хотя тот абсолютно безразличен к магии, точнее не верит в нее, хотя и суеверен, он остается в лачуге. В отличие от героя Акутагавы, все-

рьез стремившегося обучиться магии, Франсуа в рассказе А. Грина несмотря на необычность всего, что обнаруживает в жилище старика (книга с железными застежками, кипящее «варево», которое старик помешивал «узорной палочкой, разрисованной непонятными знаками», спускавшиеся с потолка высохшие ящерицы и летучие мыши, черный кот с «магическими зелеными зрачками», сидевший на очаге и, как казалось, читавший мысли незнакомца) относится к старику как сумасшедшему. Но поскольку здесь он находит хотя и скудную, но дающую ему возможность выжить еду, и, что еще более важно, рассчитывает на то, что, хотя и «жалкий помешанный» [2, 395], но все же посвященный в тайны алхимии старик поможет ему получить золото, он решает остаться.

Третью фазу, замечает В.И. Тюпа, «составляет собственно лиминальная фаза порогового испытания». Эта стадия, по его словам, «может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя, то есть посещения им потусторонней «страны мертвых»,... может заостряться до смертельного риска (болести или поединка); может и редуцироваться до встречи со смертью в той или иной форме...» [10, 71]. Смерть, причем реальная, а не мнимая, присутствует в рассказе А. Грина. Старик решает показать своему ученику «сокровища», лежащие в его сундуке. Он признается, что с помощью изготавливаемых им «алмазов» собирается преобразить мир, погрузить его в музыку «нечеловеческой красоты», превратить Францию в сверкающее сказочное царство. «Я покрою Францию великолепными дворцами. Шелк, атлас, парча, тканое золото и нежные кружева будут одеждой всех. Через реки я перекину серебряные мосты и мраморные белые башни поставлю на высоких горах – жилищем строгих и мудрых. Болота я превращу в сады, какие сняты лишь разве влюбленным ангелам...» – говорит он [2, 395]. По сути это был настоящий поэт, отрешенный от жизни, питавшийся ничтожно малым – корочкой хлеба. Франсуа убивает отшельника-мечтателя и его черного кота и, взяв самые крупные камни, отправляется в Париж.

В «Тайнах магии» главным испытанием для героя становится карточная игра. Через месяц после начала учебы он уже был сам способен демонстрировать чудеса магии, что он и сделал в кругу своих приятелей. Больше всего их поразило превращение угольев из камина в золотые монеты. «Огненные угольки, – сообщает он, – вылетая из моих рук, превращались в бесчисленные сверкающие червонцы и золотым дождем сыпались на пол. Приятелям моим казалось, будто они видят сон. Они забыли даже аплодировать» [1, 325]. Золото, дождем залившее пол клуба, в котором произошла встреча старых знакомых, восхитило всех, кроме самого мага. Он собирался превратить его в уголья, помня о клятве, которую дал своему наставнику Мисре-куну не подчиняться корысти. Однако среди его приятелей оказался тот, кому мы дали бы определение: искуситель. Этот «самый хитрый из всех» находившихся в комнате мужчин, «ехидно посмеиваясь себе под нос», предложил поставить золото на карту. «Останетесь в выигрыше, – сказал он, – что ж, распорядитесь ими,

как вам будет угодно, превращайте их снова в угли. Ну а если выиграем мы, отдайте нам все золотые в полной сохранности» [1, 326]. В значительной степени происходящее в «Чудесах магии» Акутагавы напоминает историю героя повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». Произведения сближает ряд сюжетных мотивов: решение героя изменить свою судьбу, карточная игра как средство достижения цели, чудесные превращения карт во время игры, подчинение героя алчности во время испытания и, как результат, завершение крахом его попытки обрести новый статус (для героя А.С. Пушкина – войти на равных в круг аристократов, а для героя Акутагавы – стать магом). Кроме того, в обоих произведениях ситуация складывается так, что происходящее можно истолковать и как результат вмешательства сверхъестественного, и как проявление особенностей психического состояния героев в тот или иной момент. Правда, если Германн длительное время жил жаждой играть и не делал этого лишь из-за боязни потерять тот минимум (сорок семь тысяч, доставшихся от отца), которым владел, герой Акутагавы включается в игру против своей воли. Поэтому, даже начав игру, герой рассказа японского писателя сохранял хладнокровие, оставаясь безразличным к ее ходу. Но произошло чудо. Во-первых, впервые ему улыбнулась удача («фантастически везло», вспоминает он). Во-вторых, он внезапно увлекся. «Не прошло и десяти минут, – замечает он, – как, позабыв обо всем на свете, я по-настоящему вошел в азарт» [1, 326]. Как и пушкинский Германн в первые два вечера, герой Акутагавы выигрывает. Он получил «почти столько же золотых, сколько» у него было сперва. Но по-настоящему жадность «загорелась» в нем в тот момент, когда его приятель-искуситель поставил на карту «все свое состояние – земли, дом, лошадей, автомобиль, все. Все без остатка» [1, 327]. Заметим, что новоявленный маг рисковал лишь тем, что только что чудом сотворил из каминных углей, а также тем, что выиграл. Получал же он целое богатство своего приятеля. «При этой мысли, – признается он, – я уже не в силах был владеть собой и, тайно пустив в ход магические чары, сделал вид, что наконец решился». Заканчивается игра почти так же, как и для Германна. Туз, которого тот загадал, выиграл, но когда пушкинский герой торжествующе продемонстрировал свою карту присутствующим, на ней, вместо туза, оказалась изображенной пиковая дама. Так же и в рассказе «Чудеса магии». «- Король! – торжественно воскликнул я и показал свою карту смертельно побледневшему противнику. Но в то же мгновение – о чудо! – карточный король словно ожил, поднял свою увенчанную короной голову и высунулся по пояс из карты. Церемонно держа меч в руках, он зловеще усмехнулся» [1, 327]. И тут герой услышал голос Мисры-куна, предупреждающего служанку о том, что его гость уходит, что означало, что тот не останется учиться магии.

Четвертая фаза – «преображения» может завершиться победой героя, который, благодаря обретению новых знаний, получает новый статус, или же знаменует его поражение, даже смерть, отмечает В.И. Тюпа [10, 71]. Преображения Франсуа (а в его мечтах это был переход в состояние богача) не происходит.

Украденные им алмазы оказываются стеклом, его арестовывают и казнят за убийство. Месяц обучения тайнам магии оказывается плодом фантазий героя в рассказе Акутагавы. На самом деле, он лишь мечтал о будущем. И мечты эти жили в его воображении очень короткое время – несколько минут, которые он провел, находясь в гостях в доме Мисры-куна. Поскольку герои обоих рассматриваемых нами произведений проходят четыре фазы лиминальной интриги, о которой пишет В.И. Тюпа, есть все основания для мифопоэтического комментария происходящего – как инициации, которая, правда, завершилась «нулевым» итогом.

Отсюда – возможность говорить о парадоксальности сюжета произведений Грина и Акутагавы. Определив парадоксальный сюжет как сюжет с парадоксальной развязкой, И.В. Силантьев следующим образом характеризует формулу глубинного художественного смысла парадокса: «Вторгаясь в замкнутый, рационально-непротиворечивый мир повседневной жизни и ввергая этот мир в сферу невозможного, парадокс придает этому миру новое, собственно эстетическое качество, окружает его принципиально новыми ценностными смыслами. Теперь этот разомкнутый, парадоксально-противоречивый мир ориентирован уже не в сторону очевидной, «здраво-смысленной» пользы, а в сторону самодовлеющей творческой ценности, раскрыт навстречу началу, ищущему и творящему – творящему жизнь и судьбу герою, творящему героя автору, творящему понимание героя и автора читателю. Этот мир, ставший прагматически незавершенным и «неполезным» (словечко, которое прилагалось в средневековой Руси к беллетристическим повестям), вместе с тем оказывается полон возможностями эстетического завершения – как для героя, действующего в этом мире, так и творческого сознания, взаимодействующего с этим миром» [7, 177]. Применительно к рассматриваемым нами произведениям А. Грина и Акутагавы Рюноскэ понятие «парадокс» допустимо в связи с тем, что их герои оказываются вырванными из повседневности и поставленными перед выбором, который принципиальным образом должен изменить их дальнейшую судьбу. Однако оба оказываются ниже предоставленной им возможности, инициация не происходит.

Кроме отмеченных выше общих сюжетных мотивов, произведения Акутагавы и Грина близки и в жанровом отношении: соединяют в себе фантастическое и психологическое. У читателя «Ученика чародея» возникает предположение относительно того, что герой и в самом деле оказывается в зачарованном месте в лесу, а д'Обремон, хотя Франсуа и не верит в это в силу неразвитости духовного мира, является волшебником. Отсюда – и усвоенная из мифов или сказок ситуация возможного преображения героя. Однако все завершается банальным образом. Вор, физически превосходящий хозяина лачуги, совершает убийство, чтобы беспрепятственно завладеть имуществом старика. То, что случилось с героем рассказа Акутагавы Рюноскэ в большей степени можно назвать чудом. Он был посвящен в тайну, но нарушил табу, и наставник-маг его наказал.

Но возможна и иная, психологическая мотивировка происходящего. Психологизм А. Грина наиболее очевиден в том эпизоде, где герой сам себя невольно разоблачает. При этом «Ученик чародея» оказывается в ряду тех произведений, в которых идет речь о переживании преступником чувства вины, в результате чего он видит свою жертву наяву. Он может осознавать чувство вины, или же оно живет в нем подспудно, но в любом случае память о содеянном остается. К примеру, в открывающем цикл А.С. Пушкина «Песни западных славян» «Видении короля» перед королем Стефаном является задушенный им ранее отец с веревкой на шее. Это значит, что в подсознании отцеубийцы все время жили память о преступлении и ожидание расплаты. И когда он узнает о том, что султан решает «содрать на кафтан Радивоя» с него кожу, когда «басурмане» «атаганом ему кожу вспороли, Стали драть руками и зубами, Обнажили мясо и жилы», король Стефан обращается к Богу, признает, что он заслужил физические муки, но просит помиловать, очистив от греха, его душу, поскольку он осознал свою вину. В «Вечере накануне Ивана Купала», части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, Петрусь Безродному через год после совершения им убийства в лесу является зарезанный им брат Пидорки Ивась. Причем, если вначале сообщалось, что мальчику было шесть лет, теперь Петрусь видит перед собой «дитя лет семи» (весь год пока его убийца пытался вспомнить, что же произошло в роковую ночь накануне Ивана Купала, тот жил в его подсознании). В «Ученике чародея» Франсуа, вор и мошенник, убивший живущего в пространстве фантазий д'Обремона, внезапно встречает свою жертву, когда, уже находясь в Париже, пытается продать украденное. Вместо вышедшего к нему ювелира он видит убитого им старика. «Скрипнув, прозвенел ключ, и я увидел мертвого д, Обремона, – вспоминает герой А. Грина. – Одну руку он, улыбаясь, протягивал мне, а другой старался отцепить полу халата: какой-то гвоздь задержал ее. Дико крича, затрясся я и обомлел, корчась от ужаса; гремящий туман окружил меня, земля проваливалась, весь я стонал и плакал, как мученик на дыбе... Не помню, как я решился открыть глаза, но, открыв их, увидел, что не лесной призрак, а тучный человек в богатой одежде держит меня за плечи, встряхивая и приговаривая: – Кто ты? И что с тобой?» [2, 398]. Можно предположить, что д'Обремона, как напоминающая о вине совесть, поселился внутри своего убийцы. И в момент потрясения то, что жило в подсознании, вышло наружу.

Психологизм проявляет и Р. Акутагава в «Тайнах магии». С самого начала Мисра-кун объяснил творимые им чудеса действием гипноза, то есть научно. Сначала он оживил цветок со скатерти, затем «с самым беззаботным видом» спокойно попивая чай, привел в кружение лампу. И, наконец, одним своим взглядом и мановением руки Мисра-кун заставил все книги из книжного шкафа перелететь на стол, а затем вновь в книжный шкаф, оставив на столе лишь французский роман, который взял у своего гостя почитать неделю назад. Герой вспоминает свои ощущения: «Я будто от сна очнулся» [1, 323]. Таким образом,

нельзя исключить, что все это время он находился в состоянии гипнотического сна. Даже тогда, когда сам превращал угли в золотые монеты, а потом играл в карты. Сон длился несколько минут. Проверив свои возможности и убедившись, что несвободен от корысти, герой вынужден был отправиться домой. Ему было суждено довольствоваться лишь ролью зрителя. Нравственно к роли мага он не был готов. И здесь интересно сравнить фокусы Мисры-куна и его собственные. Мисра-кун устроил для своего гостя красивое зрелище. Он доставил ему эстетическое удовольствие. Герой, совершая свой единственный сеанс магии, начинает с золота. Он тоже поражает своих зрителей, но действует при этом на низкое в человеке – его корысть, поскольку и сам от нее не свободен. Таким образом, включение мотива чуда в этом рассказе направленно, в первую очередь, на исследование нравственной природы человека.

Главным источником мистицизма в японской литературе являются, по словам Коити Итокавы, легенды, устная народная проза [4, 163]. Но в «Тайнах магии» само по себе мистическое выступает в трансформированном виде. Изучив характер рецепции Акутагавой национальных японских преданий и легенд, украинская исследовательница, А.С. Стовба, объединила его новеллы в две группы. В первой предания помогают писателю подчеркнуть национальные особенности культуры. Отсюда – переплетение традиционных мотивов с собственно авторскими. Ко второй группе исследовательницей отнесены произведения, в которых, хотя сюжет и идентичен традиционному, нарратор расставляет иные акценты, дает новые характеристики персонажей, в результате чего образы строятся по принципу пародии. «Тайны магии» в статье А.С. Стовбы не рассматривались. Однако, как представляется, вывод, сделанный ею применительно ко второй группе новелл Акутагавы, относительно того, что в них «происходит разрушение основных смыслов сказки и образование новых, которые чаще всего противоречат исконному сюжету и, таким образом, приглашают читателя сравнить сказку и рассказанную историю, стимулируют задуматься над вновь поставленными проблемами» [9, 257], может быть отнесен и к «Тайнам магии».

В любом случае обнаруживается, что оба героя не склонны к движению, то есть перемене своего статуса. Анализируя ряд произведений А.С. Пушкина, А.Н. Романова пишет о преображающей человека катастрофе, употребив словосочетание «благое потрясение». Таким потрясением может оказаться чудесное или рационально мотивированное нарушение природного или социального порядка [6, 271]. «Катастрофичность, – отмечает исследовательница, – открывает известную свободу бытия, его немеханистичность, способность выходить за рамки раз и навсегда установленных законов природы или до бесконечности варьировать характер их проявления. Соответственно и для человека ситуация катастрофы – максимально богата возможностями проявления свободы воли» [6, 273-274]. Однако «благим», то есть несущим движение характера, потрясение оказывается не для каждого. Есть те, «кого несет поток событий», а по-

тому вони несвободні і, як результат, «недвигимі». Недвигимість, в свою чергу, «робить героя жертвою катастрофи», як, наприклад, не спроможного відказатися від «недвигимой» ідеї мести ведьми Германна в «Пиковій дамі» [6, 274]. Так і Франсуа в «Ученику чародея», і герой «Тайн магії» не спроможні до моральних змін. Та ситуація, учасниками якої вони стають, катастрофічна, по-своєму чудесна, має виключальний характер. Один опиняється в домі старика, який уміє виготовляти найкрасивіше скло, по виду не відмінне від алмазів. Його мрія має загальнолюдський характер (він сподівається зробити прекрасним для людей світ), тому вона, хоча і безглузда, але дозволяє судити про його духовність. Зустріч з такою особою могла перетворити і самого Франсуа. Другий, герой розповіді Акутагави, побувавши в гостях у постиглого тайни магії подорожника, отримав можливість бути присвяченим в таємну. Але обидва з цієї зустрічі виходять незмінними. І, головним чином, тому, що в силу власної недвигимості, залишаються в полоні меркантильності.

Висновки. Між «Учеником чародея» А. Грина і «Чудесами магії» Акутагави є багато загального. Обидва автори, творчість яких належить до перших десятиліть ХХ століття, пережили вплив як модерністських мистецтв, так і реалізму. Це значущим чином визначило мистецтвену специфіку їх творів. На рівні сюжетних мотивів, символіки, авторської концепції людини зв'язки між названими творами очевидні. Уже самі по собі назви розповідей, що містять в собі слова «чародей» і «магія», дозволяють віднести їх до ряду фантастических (міфопоетических або навіть мистических). В той же час їх створення було умовлено інтересом письменників переважно до моральних і психіческих аспектів людини. Герої Грина і Акутагави, підкорившись жаді багатства, переживають розпад власного «я». Цей інтерес письменників до моральної природи людини був умовлено зовнішніми, історическими умовами, в яких вони створювали свої твори. В сучасності Александра Грина і Рюноске Акутагаву турбувало тиснення під впливом індивідуалізму людськості, втрата людиною гармонії з зовнішнім світом, так і з власним «я». Вибравши для своїх творів традиційну для будь-якої національної культури ситуацію ініціації, обидва митці приводять своїх героїв до нульового результату переходу, оскільки меркантильність виявилася для них головним імпульсом дій. Отже – парадоксальний характер розв'язки сюжету в присвяченні.

Список использованной литературы:

1. Акутагава Р. Малое собрание сочинений / Акутагава Рюноске; пер. с яп. И. Вардуля, В.Гривнина, Л.Лобачева и др. – СПб.: Азбука, 2010. – 736 с.
2. Грин А.С. Ученик чародея / А.С. Грин // Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Правда, 1980. – Т. 6. – С.387 – 399.
3. Дунаевская И.К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина / И.К. Дунаевская. – Рига: Зинатне, 1988. – 168 с.
4. Ітокава К. Розуміння містичного в сучасній японській літературі / Кіюті Ітокава // Поетика містичного: колективна монографія. – Чернівці: Чернівецький національний університет, 2011. – С.162 – 167.
5. Поборчая И.П. Н.В. Гоголь и Акутагава Рюноске / И.П. Поборчая // VIII Гоголівські читання: Матеріали міжнародної наукової конференції 5-6 квітня 2006 року. – Полтава: ПДПУ, 2006. – С. 48 – 51.
6. Романова А.Н. «Вращается весь мир вокруг человека...». Несколько штрихов к пушкинской картине мира / А.Н. Романова // Болдинские чтения. 2013. – Нижний Новгород: РИ «БегемотНН», 2013. – С.268 – 278.
7. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
8. Соценко Н.Ф. В художественном мире А.И. Куприна и Акутагава Рюноске / Н.Ф. Соценко // Вопросы русской литературы: межвуз. научн. сб. – 2012. – Вып. 23 (80). – С.111 – 118.
9. Стомба А.С. Специфика рецепции древних японских преданий и легенд в новеллах Акутагавы Рюноске / А.С. Стомба // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: Зб. наук. праць. – Сімферополь: Кримський Архів, 2011. – С.247 – 258.
10. Тюпа В.И. Категория интриги в современной нарратологии / В.И. Тюпа // Питання літературознавства: науковий збірник / гол. ред. О.В. Червінська. – Чернівці: Чернівецький ун-т, 2013. – Вип. 87. – С.64 – 75.
11. Царик Д.К. Типология неоромантизма / Д.К. Царик. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 164 с.
12. Lis-Czapiga A. Неоромантизм как предмет рефлексии в современном русском литературоведении / А. Lis-Czapiga // Русская литература конца XIX – XXI века: диалог с традицией: монография / под ред. Naukową Natalii Maliutiny, Agnieszki Lis-Czapigi. – Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. – С. 17 – 34.
13. Litwinow J. Proza Aleksandra Grina / Jerzy Litwinow. – Poznań, 1986. – 174 с.

Статтю подано до редколегії 10. 12. 2014

Мусій Валентина

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
кафедра світової літератури
urd7@rambler.ru

ПАРАДОКСАЛЬНІСТЬ СИТУАЦІЇ ІНІЦІАЦІЇ У «УЧНІ ЧАКЛУНА» ОЛЕКСАНДРА ГРИНА ТА «ЧУДЕСАХ МАГІЇ» АКУТАГАВИ РЮНОСКЕ

Об'єктом компаративного зіставлення творів двох письменників-модерністів початку ХХ століття є розвиток ситуації переходу героя до іншого стану (ініціації). Йдеться про парадоксальність фіналу обох творів тому, що ініціація не відбувається, що у статті пов'язується з особливостями авторської концепції людини, яка не здатна до морального руху. Обидва героя зосереджені на грошах і тому залишаються такими, якими були до зустрічі з тими, хто міг допомогти їм стати краще.

Ключові слова: сюжет, мотив, парадокс, концепція людини, архетип, інтрига, ініціація, О. Грін, Р. Акутагава

Valentina Musiy

Odessa I.I. Mechnikov National University
Department of World literary
urd7@rambler.ru

**PARADOXALITY OF SITUATION OF INITIATION IN
«APPRENTICE OF MAGICIAN» BY ALEKSANDR GRIN AND
«WONDERS OF MAGIC» BY AKUTAGAWA RYUNOSKE**

The article is dedicated to the research of the reception specificity of initiation as archetype situation in A. Grin's and Akutagawa's artistic works. So the luminal plot scheme is the main in both stories. The comparative analysis allowed to set similarity of methods and general principles of poetics of the Russian and Japanese writers of the beginning of the XX century the modernist epoch. The development of plot acquires paradoxical character because the result of the initiation is zeroes. As a result the beginning of both stories and their finals coincide. There is the impression, that nothing have happened. A situation, in which heroes appeared when events of the plot started, did not change. Main reason of such composition of the plot – in inability of heroes to moral motion. It helps to understand author's conception of person. Grin and Akutagawa expressed the disturbance with the modern state of person in which mercantileness represses humaneness.

Key words: plot, motive, paradox, conception of person, archetype, intrigue, initial, A. Grin, R. Akutagawa